

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

1001 ночь.

Рассказ об Ибрахиме Мосульском и дьяволе

Рассказывают также, что Абу–Исхак–Ибрахим Мосульский рассказывал и сказал: "Я попросил ар–Рашида подарить мне какой–нибудь день, чтобы я мог уединиться с моими родными и друзьями, и он позволил мне это в день субботы. И я пришел домой и стал готовить себе кушанья и напитки и то, что мне было нужно, и приказал привратникам запереть (ворота и никому не позволять ко мне войти. И когда я находился в зале, окруженный женщинами, вдруг вошел ко мне старец, внушающий почтение и красивый, в белых одеждах и мягкой рубаше, с тайлесаном на голове. В ручках у него был посох с серебряной рукояткой, и от него веяло запахом благовоний, который наполнил помещения и проход. И охватил меня великий гнев оттого, что этот старен вошел ко мне, и я решил прогнать привратников, а старец приветствовал меня наилучшим приветствием, и я ответил ему и велел ему сесть. И он сел и стал со мной беседовать, ведя речь об арабах пустыни и их стихах. И исчез бывший во мне гнев, и я подумал, что слуги хотели доставить мне радость, впустив ко мне подобного человека, так как он был образован и остроумен. "Не угодно ли тебе поесть?" – спросил я старца, и он сказал: "Нет мне в этом нужды". И тогда я опросил: "А попить?" И старец молвил: "Это пусть будет по–твоему".

И я выпил ритль и дал ему выпить столько же, и затем он сказал мне: "О Абу–Исхак, не хочешь ли ты чтонибудь мне спеть – мы послушаем твое искусство, в котором ты превзошел и простого и избранного".

И слова старца разгневали меня, но потом я облегчил для себя это дело и, взяв лютню, ударил по ней и запел. И старец сказал: "Прекрасно, о Абу–Исхак!"

И тогда, – говорил Ибрахим, – я стал еще более гневен и подумал: "Он не удовлетворился тем, что вошел ко мне без позволения, и пристает с просьбами, но назвал меня по имени, не зная, как ко мне обратиться".

"Не хочешь ли ты прибавить еще, а мы с тобой потягаемся?" – сказал потом старец. И я стерпел эту тяготу и, взяв лютню, запел, и был внимателен при пении и проявил заботливость, так как старец сказал: "А мы с тобой потягаемся..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот восемьдесят восьмая ночь

Когда же настала шестьсот восемьдесят восьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что старец сказал АбуИсхаку: "Не хочешь ли ты прибавить еще, а мы с тобой помочь "И я стерпел эту тяготу, говорил Абу–Исхак, – и, взяв лютню, запел и был внимателен при пении и проявил полную заботливость, так как старец сказал: "А мы с тобой потягаемся". И старец пришел в восторг и воскликнул: "Прекрасно, о господин мой! И затем он спросил: "Позволишь ля ты мне петь?" И я ответил ему: "Твое дело!" И счел, что он слаб умом, если будет петь в моем присутствии после того, что услышал от меня. Старец взял лютни и стал ее настраивать, и, клянусь Аллахом, мне представилось, что лютня говорит ясным арабским языком, прекрасным, жеманным голосом! И старец начал петь такие стихи:

"Вся печень изранена моя, – кто бы продал мне

Другую, здоровую, в обмен, без болячек?

Но все отказались люди печень мою купить

Никто за здоровое не купит больное.

Стенаю я от тоски, в груди поселившейся,

Как стонет давящийся, вином заболевший".

И клянусь Аллахом, – говорил Абу–Исхак, – я подумал, что двери и стены и все, что есть в доме, отвечает ему и поет с ним, так прекрасен был его голос, и мне казалось даже, что я слышу, как мои члены и одежда отвечают ему. И я сидел, оторопев, и не был в состоянии ни говорить, ни двигаться из–за того, что вошло ко мне в сердце, а старец запел такие стихи:

"О голуби аль–Лива [570], вернитесь хоть раз ко мне

По вашим я голосам тоскую безмерно!

Вернулись они к ветвям, едва не убив меня,

И им не открыл едва я все свои тайны.

И криком зовут они ушедшего, словно бы

Вина напились они и им одержимы.

Не видел мой глаз вовек голубок, подобных им,

Хоть плачут, но из их глаз слеза не струится.

И он пропел еще такие стихи:

"О Неджда зефир, когда подуешь из Неджда ты,

Твое дуновение тоски мне прибавит лишь.

Голубка проворковала в утренний светлый час

В ветвях переплетшихся лавровых и ивовых.

И плачет в тоске она, как маленькое дитя,

Являя тоску и страсть, которых не ведал я.

Они говорят, что милый, если приблизится,

Наскучит, и отдаленность лечит от страсти нас.

Лечились по–всякому, и не исцелились мы.

Но близость жилищ все ж лучше, чем отдаление,

Хоть близость жилищ не может быть нам полезно,

Коль тот, кто любим тобой, не знает к тебе любви".

И потом старец сказал: "О Ибрахим, спой напев, который ты услышал, и придерживайся этого способа в своем пении, и научи ему твоих невольниц". – "Повтори напев", – сказал я. Но старец молвил: "Ты не нуждаешься в повторении, ты уже схватил его и покончил с ним".

И потом он исчез передо мной, и я удивился и, взяв меч, вытащил его и побежал к дверям гарема, но увидел, что они заперты. И я спросил невольниц: "Что вы слышали?" И они сказали: "Мы слышали самое лучшее и самое прекрасное пение".

И тогда я вышел в недоумении к воротам дома и, увидев, что они заперты, спросил привратников про старца, и они сказали: "Какой старец? Клянемся Аллахом, к тебе не входил сегодня никто".

И я вернулся, обдумывая это дело, и вдруг кто–то невидимо заговорил из угла комнаты и сказал: "Не беда, о Абу–Исхак, я – Абу–Мурра [571], и я был сегодня твоим собутыльником. Не пугайся же!"

И я поехал к ар–Рашиду и рассказал ему эту историю, и ар–Рашид сказал: "Повтори напевы, которым ты научился от него". И я взял лютню и стал играть, и вдруг оказывается, напевы крепко утвердились у меня в груди.

И ар–Рашид пришел от них в восторг и стал пить под них, хотя и не увлекался вином, и говорил: "О, если бы он дал один день насладиться собою, как дал насладиться тебе".

И затем он приказал выдать мне награду, и я взял ее и уехал".